

ГЕРОИ нового фильма Михаила Ромма «Девять дней одного года» физик Дмитрий Гусев подвергся облучению во время опытов и знает почти наверняка, что должен умереть.

Дважды на пороге этого года, быть может, последнего в его жизни, Гусеву приходится слышать от разных людей разными словами выраженную одну и ту же мысль.

— Знаете, Гусев, вы еще можете очень долго жить и работать при одном условии — никакого риска... — говорит врач Покровский.

И учитель Гусева — профессор Синцов (арт. Н. Плотников), человек, сделавший в физике величайшее открытие и убивший этим открытием самого себя, в минуту предсмертной тоски, когда все в нем еще здорово — руки, ноги, грудь, башка вот эта, хорошо поработавшая за долгую жизнь, а смерть уже приблизилась, невидимая, неслышимая, без цвета, без запаха, смерть от радиоактивного излучения. Синцов на пороге бытия прощается с учеником:

— Митя! Подойди-ка сюда! Слушай! Брось-ка ты все это к чертовой матери! Лови рыбу, собирай грибы, женись на красивой женщине... А то будет поздно...

Два разных, два хороших человека дают этот совет. Ни одному, ни другому из них мы не можем отказать в мужестве и смелости. Больше того, посоветуй им кто-нибудь подобное, они наверняка поступили бы наоборот. Собственно, так и случилось с Синцовым, который принял на себя чудовищный радиоактивный удар.

И все-таки умирающий Синцов и старый врач Покровский с его упорными опытами, которые в конце концов должны дать медицине оружие против лучевой болезни, произносят эти слова.

Нам по-человечески понятно стремление двух людей, почти проживших жизнь, сберечь, сохранить молодость, которая еще не знает, еще не может знать, что такое безнадежность.

Если бы эти люди были мельче, трусливее, обыкновеннее (а так оно, собственно, и случилось во многих фильмах: подобные советы давали приспособленцы и ищущие успокоения мещане), то и говорить было бы не о чем.

Но оба эти человека настолько значительны, что от них нельзя просто отмахнуться. И слушает Гусев. И еще труднее, напряженной звучит ставший перед героем роммовского фильма вопрос: стоит ли все это, вся эта физика, эти опыты, чтобы отдавать за них жизнь?

Михаил Ромм, выступивший в качестве не только режиссера, но и соавтора сценария «Девять дней одного года», рассказал о человеке, вся жизнь которого состоит в преодолении обреченности, больше того — человеке, не приемлющем, не признающем само понятие «обреченности».

В сущности, Дмитрий Гусев гораздо несчастливее даже своего погибшего учителя Синцова. Тот встретил смерть на склоне лет, и как бы невыносимо ни было сознание неизбежности смерти, оно искупалось мыслью о том, что совершенно дело жизни, достигнута цель, жертва принесена не напрасно.

Судьба более сурова к Гусеву. Дважды облучившийся еще совсем молодым, Гусев с самого начала поставлен перед реальной возможностью гибели. Он знает, что не имеет права рисковать. И все же рискует. И терпит неудачу, узнает, что надо начинать все сначала, что из ста возможных путей к истине один испуган и отпал, осталось только девяносто девять.

...Бодрячки-оптимисты кочевали из фильма в фильм, безмятежные, с запасом готовых, отштампованных доводов на все случаи жизни. Встречались фигуры покрупнее — твердокаменные, со скрытым, но проступающим самодовольным презрением грубой силы к интеллект. Вся их неистребимая жизнеспособность крылась в этой первородности, в животном, физическом начале, отрицающем самую способность мыслить. Это было спокойствие от неведения, безмятежность от лености ума и души, удовлетворенность от крайней скудости запросов

ПРЕОДОЛЕНИЕ ОБРЕЧЕННОСТИ

О новом фильме
«Девять дней
одного года»

Казалось бы, они, эти «герои», давно должны изжить себя хотя бы по одному упорному, с завидным постоянством повторяющемуся их неслуху у зрителей. А они все продолжают существовать, а вместе с ними живет неправда о нашем современнике, о положительном идеале человека сегодняшнего и завтрашнего дня.

Меньше всего обеспокоенный в данном случае вопросами внутрикинематографической полемики, Михаил Ромм одной историей своего Гусева, историей борьбы и победы человеческого духа над безнадежностью отрицает ложь о нашем современнике, укореняющуюся и неист-

но всему образу Гусева Алексей Баталов, исполнитель главной роли в фильме.

Здесь все — предел сдержанности и напряжения. Фигура старика (арт. Н. Сергеев) за простым дощатым чистым столом, ни одним намеком не открывающего мученическую свою отцовскую муку. И беззвучные слезы Лели, жены Гусева (арт. Т. Лаврова), свидетельницы разговора двоих. И пугающая абсолютная неподвижность Гусева, лежащего навзничь на койке, и трагическая значимость этих вопросов отца и ответов сына, негромко звучащих в тишине старого дома в глухую полнолуночную пору.

Занявшись подробным взвешиванием и сопоставлением положительных и отрицательных качеств Куликова — Смоктуновского, опасно упустить главное, проглядеть, что перед нами не просто интересный образ, но знаменательное и не такое уж частое явление в кинематографе.

Великолепный ученый, умница, добрый человек, безусловно увлеченный своим делом, он, Куликов, вдруг неожиданно срывается с места в самый разгар испуганной и уезжает в Москву отдохнуть, переменить обстановку, благо лично ему в эти 2—3 месяца делать нечего; он не очень огорчается, когда от него уходит любимая женщина, и не упускает возможности позлословить, тонко и умно связать по поводу несовершенств мира и человечества. Он ироничен и критически настроен, как и многие из его поколения, где-то эгоистичен и далеко не равнодушен к удобствам и благам жизни. Но главное и принципиальное в образе Куликова — это высокая культура мысли, та душевная тонкость, острая заинтересованность и осведомленность в том, что происходит в стране, в мире, во Вселенной, широта интересов и восприятий, без которой немислим, неполон, непредставителен современный человек.

Трудно было точнее угадать исполнителя на эту роль, чем сделал Ромм, выбрав Смоктуновского. Все подвижно, все струится и изменяется в Куликове — Смоктуновском. Улыбка вспыхивает и исчезает, словно под мягкими волосами его спрятан выключатель. Неуловимы движения, блестящи слова, которые он находит без труда и усилий, блестящи мысли, которые расточает щедро и безвозмездно, словно сам забавляясь игрой подвижного и острого ума своего. Он ходит среди людей и будит хорошее беспокойство в них, желание спорить, доказывать, открывать новое.

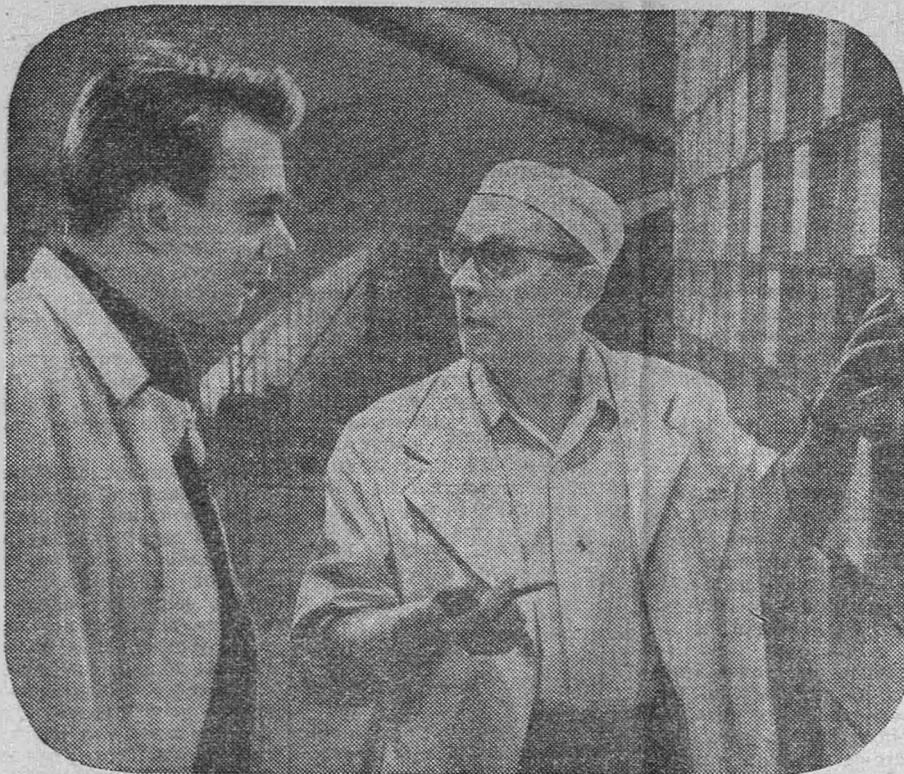
Мир, вечно меняющийся, бесконечный, отразившийся в очень богатой, осязаемой, воспринимчивой натуре — вот что сыграл Смоктуновский.

Можно говорить о великолепной изобразительной стороне фильма. Талантливый молодой оператор Г. Лавров не только помог созданию образов людей науки, но и нарисовал удивительно зримый, осязаемый образ самой науки — дела, которому служат герои. Безусловно, лучшие кадры фильма — в научно-исследовательском институте, в этом царстве великолепных машин, каждая из которых — доказательное проявление человеческого разума и таланта.

Новый фильм Михаила Ромма — по истине и по праву современный фильм. И это ощущение современности дал фильму не формальный прием, не какое-то особенное построение сценария, сюжета, кстати, здесь развивающегося плавно и просто изо дня в день все девять дней одного года, и не безгласная и многозначительная игра деталей, которая почему-то считается непререкаемым качеством современной манеры кинематографа. Напротив, необычайно точное, богатое мыслью слово великолепно звучит в этом фильме, еще и еще раз подтверждая свое непреходящее значение для кинематографа.

Современным фильм Ромма делает прежде всего его главная мысль, утверждающая могущество человеческого разума, выходящая далеко за пределы одной частной судьбы; глубокая и до конца честное раздумье о будущем человечества, с которым входят в этот фильм его герои; высокий нравственный мир чувств, исканий и страстей, который открывается в каждом из них.

В. ЛИФТОВА.

ребимо живучую в некоторых и не столь малочисленных произведениях искусства.

Гусев — физик. Сама его профессия предполагает высочайший уровень развития человеческой мысли. И, кроме того, наука, которой герой служит, может стать источником величайших благ и изобилия на земле, а может явиться причиной гибели всего живущего. Поэтому он, Гусев, и люди рядом с ним не могут не думать о судьбах мира и человечества, о возможности войны, о средствах помешать ее возникновению.

Эти мысли, это напряжение раздумий, эти постоянные разговоры и споры о вещах, на первый взгляд, слишком отвлеченных и грандиозных по масштабу, чтобы быть личными, в фильме воспринимаются как необходимая повседневность, как неременная, органичная часть существования каждого из действующих лиц и Гусева в первую очередь. Все вместе они просто не могут без этого, ибо каждый миг должны чувствовать, должны быть уверены, что делают свое дело на благо, а не во зло людям.

В ночном разговоре со стариком отцом, к которому, уже тяжелобольной, приезжает проститься Дмитрий Гусев, открывается источник силы этого человека и подобных ему людей могучей и широкой мысли, непоколебимо верящих в разум человечества, в его добрую волю, в преодолимость движения всего живущего к прогрессу.

Этот ночной разговор делает ключом

А. Баталов сохраняет эту сдержанность, предельную скупость выражения на протяжении всего фильма. Он играет на том пределе правды, который заставляет думать о вечных и непреходящих образах искусства.

Сосредоточенность большой одаренной личности видна в его Гусеве и еще та счастливая и лишь немногим доступная способность отдаваться только одному, главному в жизни, и до конца.

Правда, сдержанность порой доходит до крайности. Разумеется, актер не дает нам повода сомневаться в том, что за этой внешней невозмутимостью постоянно бьется большая и беспокойная мысль. Все это верно. Но ведь Гусев молод, мальчишески молод, влюблен первый и единственный раз в жизни, живое и острое чувство юмора, тоже свойство незаурядной природы, не оставляет его ни на минуту. Кажется, актер чересчур сурово отнесся ко многим человеческим и теплым подробностям, которыми наделили характер Гусева авторы сценария М. Ромм и Д. Храбровицкий. Попросту сплутил их, сосредоточившись, как и его герой, на главном.

А рядом с Гусевым друг его и коллега Илья Куликов. Какой он, хороший или плохой, этот Илюша Куликов, и каким увидел его удивительный актер Иннокентий Смоктуновский? Думается, что здесь одинаково неприсмелы и такая категорическая постановка вопроса, и категорический ответ на вопрос.